

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/477/15

Импорты из погребений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э. как источник сведений о военных походах населения Среднего Прикамья

Олег Олегович Малых¹

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, ovel34@mail.ru

Аннотация. Рассматривается погребальный инвентарь погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, включавший в свой состав такую разновидность защитного вооружения, как шлемы. На основании поиска аналогий и использования методов палеосоциальной реконструкции высказывается предположение о том, что защитное вооружение, ставшее частью погребального инвентаря погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, является трофеями, приобретёнными в ходе дальних военных походов населения Среднего Прикамья во второй половине III в. н.э.

Ключевые слова: статусное вооружение, шлемы, военные походы, трофеи

Для цитирования: Малых О.О. Импорты из погребений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э. как источник сведений о военных походах населения Среднего Прикамья // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 133–144. doi: 10.17223/15617793/477/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/15

Imports from burials of the Tarasovo burial ground of the second half of the 3rd century AD as a source of information about the military campaigns of the population of the Middle Kama region

Oleg O. Malykh¹

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, ovel34@mail.ru

Abstract. In the second half of the 3rd century AD on the territory of the Tarasovo burial ground located on the right bank of the Kama river, not far from the Tarasovo village, Burials No. 6 and 782 were left in the Tarasovo Sarapul District of the Udmurt Republic. The burials are of interest due to the fact that the social status of the deceased was emphasized by the presence of not only swords, but also helmets in the burial inventory. The aim of this article is to consider the possible reasons for the appearance in Burials No. no. 6 and 782 of helmets as parts of burial inventory and identify their origin. To achieve this aim, materials from the excavations of the Tarasovo, Niva and Ust-Sarapulskoe burial grounds of the Mazuni culture of the population of the Middle Kama region and materials of excavations of the Sarmatian monuments of the Southern Cis-Urals, the Black Sea region, the North Caucasus are used. The use of the analogy method allows establishing that helmets from Burials No. 6 and 782 correspond in design to helmets used by the military formations of the Sarmatians, the Kingdoms of Kushan and Parthia, and by the Roman troops. The data of anthropological studies suggest that men buried in the graves of interest in the Tarasovo burial ground died at the age of 17 to 20 years. Based on the methods of paleosociological research, it is possible to conclude that the deceased were not leaders, but they owned some of the richest male burial complexes of the Tarasovo burial ground. Within the framework of the article, the possibility of the acquisition of segmental and openwork helmets is considered as a result of trade contacts with craft and trade centers in Central Asia or the Black Sea region. Considering the distance between the Middle Kama and these regions, the lack of opportunity for the Mazuni population to organize the supply of grain and slaves in significant volumes, the author concludes that such trade is unlikely. The version of the appearance of helmets as part of the property of migrants is refuted by the absence of significant changes in funeral rituals among the population of the Middle Kama region in the second half of the 3rd century. As the main version of the appearance of helmets in Burials No. 6 and 782, the possibility of long-range military campaigns by the population of the Middle Kama region as part of the Sarmatian squads of the Southern Urals is considered. During these campaigns, helmets and other imports were acquired as trophies or as payment for service, which became part of the burial inventory. Participation in hostilities can explain the acquisition of the social status that led to a violation of the regulation of the funeral rite, which manifested itself in burying protective weapons with the deceased. In a similar way, items of status weapons could be obtained, which were discovered during the excavations of the Niva and Ust-Sarapulskoe burial grounds. Long-distance military campaigns can be considered as one of the channels for the supply of imports to the population of the Kama region in the first half of the 1st millennium AD.

Keywords: status weapons, helmets, military campaigns, trophies

For citation: Malykh, O.O. (2022) Imports from burials of the Tarasovo burial ground of the second half of the 3rd century AD as a source of information about the military campaigns of the population of the Middle Kama region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 133–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/15

Прикамье – географический регион, образованный бассейном р. Кама и ее притоков. В раннем железном веке на территории данного региона проживали группы населения, имевшие сопоставимую культуру и общие исторические корни. При проведении археологических исследований в Прикамье была собрана внушительная коллекция предметов статусного вооружения первой половины I тыс. н.э. Коллекция представлена 169 мечами и палашами, 29 шлемами, 18 кольчугами и фрагментами кольчужного полотна, 6 панцирями, происходящих из захоронений 34 могильников. Для сравнения: при раскопках сарматских памятников, функционировавших во II–IV вв. в Нижнем Поволжье, обнаружено 64 меча; около 40 мечей найдены в захоронениях Южного Предуралья второй половины II–III в. В материалах обоих регионов не зафиксировано находок защитного вооружения [1. С. 65; 2. С. 88].

Для анализа распространения статусного вооружения в среде населения Прикамья показательны материалы Тарасовского могильника, функционировавшего в I–V вв. н.э. на правом берегу р. Кама, недалеко от с. Тарасово Сарапульского р-на Удмуртской республики [3. Т. 1. С. 3]. Из 1 880 захоронений памятника происходит 25 мечей, 3 палаша, 4 шлема, 1 панцирь и 1 кольчуга [4. С. 35–36].

Из воинского снаряжения, как среди тарасовских материалов, так и среди материалов других памятников Прикамья, наиболее редкой категорией находок являются предметы защитного вооружения. Среди комплексов Тарасовского могильника захоронения с доспехами (4 погр.) составляют 0,002% от всех погребений некрополя и 0,014% от количества могил, содержащих оружие, колчаные крючки или элементы конской упряжи (273 погр.) [4. С. 37]. На территории проживания представителей мазунинской культуры, существовавшей в III–V вв. в среднем течении р. Кама, нижнем и среднем течении р. Белой, исследовано около 4 500 захоронений, среди которых 21 погребение содержит предметы защитного вооружения (0,004%). Следует принять во внимание, что значительная часть интересующих погребений могла принадлежать мигрантам. В древности захоронений с защитным вооружением было оставлено больше, но часть из них была разграблена или по иным причинам не включена в научный оборот.

Исходя из периодизации захоронений Тарасовского могильника, предложенной Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, можно выделить два периода, в течение которых защитное вооружение становилось частью погребального инвентаря [6. С. 17–47; 7. С. 172–194].

Первый период приходится на вторую половину III в., когда в дополнение к мечам в погр. 6 и 782 были помещены шлемы (рис. 1, 22, 12) [3. Т. 1. С. 5, 11, 138; 5; 6. С. 25]. Захоронения второго периода совершались в третьей четверти IV в. (погр. 1685) и по-

следней четверти IV в. (погр. 1784), когда умерших сопровождали такие предметы защитного вооружения, как шлемы, панцирь и кольчуга [3. Т. 1. С. 6, 255, 272; 6. С. 38; 7. С. 172].

Время совершения указанных захоронений совпадает с периодами, когда в Прикамье происходил приток защитного вооружения, отразившийся в погребальной обрядности. Без учета погр. 6, 782, 1685, 1784 Тарасовского могильника получаем следующее. Во второй половине III – первой половине IV в. было совершено 15 захоронений, содержащих в своем составе шлемы или кольчуги или и то и другое вместе. В период второй половины IV – начала V в. было оставлено 16 погребений с защитным вооружением.

Появление защитного вооружения в захоронениях нужно рассматривать как материальное отражение процессов и событий, оказавших влияние на социальную структуру и мировоззрение изучаемых обществ.

Социальные и мировоззренческие изменения второй половины IV – начала V в., приведшие к появлению в погр. 1685 и 1784 шлемов, кольчуги и панциря, происходили под влиянием целого ряда факторов. В этот период на территории Тураевского, Кудашевского, Старо-Муштинского, Бродовского могильников и иных памятников были оставлены курганные насыпи, не характерные для традиций населения Прикамья [8. С. 54–55; 9. С. 217; 10. С. 3]. Появление курганных насыпей в сочетании с другими особенностями погребального обряда могут свидетельствовать о проникновении в регион групп мигрантов. Наибольший интерес представляют материалы Тураевского и Кудашевского могильников, при раскопках которых зафиксировано 15 из 18 захоронений второй половины IV – начала V в. с защитным вооружением. Значительный объем вооружения мог быть связан с погребением на территории памятников мигрантов, представляющих собой военный отряд, а не группу переселенцев с различным половозрастным составом [11. С. 136]. Деятельность дружин и иных групп мигрантов могла осложнить военную обстановку в регионе, что привело к усилению роли воинов и вождей в жизни обществ. Косвенно об этом свидетельствует увеличение количества оружия, попавшего в захоронения Тарасовского могильника во второй половине IV в., и повышение трудозатратности подготовки могильных ям (табл. 1). Для населения, оставившего Тарасовский могильник, мигранты могли являться источником как вооружения, так и социальных и иных представлений.

В рамках предложенной статьи будут проанализированы возможные причины появления в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника защитного вооружения. Выявление причин наличия доспехов в данных захоронениях, возможно, позволит лучше понять суть событий, приведших к появлению части статусного вооружения в погребениях населения Волго-Вятского междуречья и иных частей Прикамья.

Таблица 1

Особенности погребений со статусным вооружением Тарасовского могильника

Период	Погребения	Возраст	Меч/Палица*	Шлем	Кольчуга/Пандиры*	Топор	Копье	Наконечник стрелы	Конская упряжь	Количество находок	Ко-во категорий находок	Ориентация погребения	Параметры могильной ямы			
													Длина, см	Ширина, см	Глубина, см	Объем, м ³
I–II в.	608	До 30	1						1	15	6	ССЗ-ЮЮВ	239	71	54	0,90
	733 А		1*						1	3	3	ССВ-ЮЮЗ	255	120	46	1,40
	1125		1				1		1	19	9	ССВ-ЮЮЗ	252	65	130	2,12
	1291		1*							4	4	ССВ-ЮЮЗ	191	66	35	0,44
	1307	40-50	1						1	11	6	ССВ-ЮЮЗ	214	66	61	0,86
	1317	40-50	1*							10	4	ССВ-ЮЮЗ	240	73	48	0,84
Первая половина III в.	131 А	20-30	1							13	5	СВ-ЮЗ	286	125	56	2,00
	446	30-35	1							14	6	ССВ-ЮЮЗ	266	100	70	1,86
Вторая половина III в.	4	25-35	1						1	28	6	ССВ-ЮЮЗ	271	106	83	2,37
	6	17-20	1	1					1	19	12	ССВ-ЮЮЗ	249	81	62	1,25
	782	18-20	1	1					1	80	14	СВ-ЮЗ	255	75	108	2,06
	790	20-25	1				1			13	6	ССВ-ЮЮЗ	282	107	163	4,91
Первая половина IV в.	199	40-50	1						1	43	9	ССВ-ЮЮЗ	272	87	120	2,83
	241	25-35	1					4		41	6	СВ-ЮЗ	214	105	115	2,58
	1737	35-40	1						1	10	7	ССВ-ЮЮЗ	240	95	70	1,59
Третья четверть IV в.	60	35-45	1						1	32	9	ССВ-ЮЮЗ	233	95	85	1,88
	129	30-40	1						1	14	7	ССВ-ЮЮЗ	252	96	75	1,81
	765 А	18-20	1						1	65	10					
	765 Б	18-20	1						1	45	7	СВ-ЮЗ	302	180	112	6,08
	1685	25-30	1	1	1*	5	1		1	52	12	С-Ю	360	230	213	17,6
	1779	11-12	1				1			12	7	СЗ-ЮВ	260	130	255	8,61
Четвертая четверть IV – начало V вв.	235		1				1			8	5	С-Ю	283	98	150	4,10
	474		1				1			6	6	С-Ю	302	120	177	6,79
	1703	25-30	1				1			10	6	С-Ю	280	123	170	5,85
	1772	16-17	1			2	1			12	7	ССЗ-ЮЮВ	270	125	260	8,77
	1784		1	1	1	1	1		1	31	16	СЗ-ЮВ	184	210	270	10,4

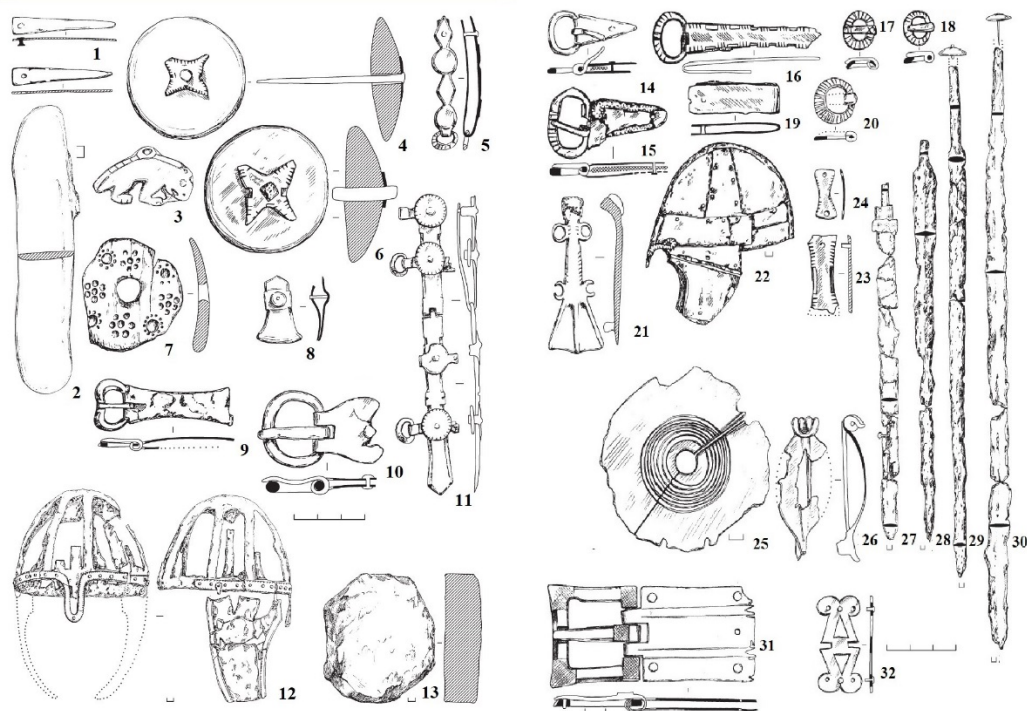

Рис.1. Предметы из мужских захоронений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э.:

1 – наконечники обувных ремешков; 2 – слиток латуни (погр. 1679); 3 – подвеска; 4 – навершие меча (погр. 782); 5, 11 – уздечные накладки; 6 – навершие меча (погр. 4); 7 – бляшка (створка моллюска); 8 – зажимы; 9, 10 – пряжка; 12 – шлем (погр. 782); 13 – крица (погр. 782); 14–18, 20, 39 – пряжки; 19 – наконечник ремня; 21 – крючок; 22 – шлем (погр. 6); 23, 24, 32 – накладки; 25 – сюльгама; 26 – фибула; 27 – меч (погр.790); 28 – меч (погр.6); 29 – меч (погр. 4); 30 – меч (погр. 782) [6. Рис. 3, 4]

В отличие от погребений второй половины IV в. в комплексах второй половины III в. Тарасовского могильника защитное вооружение представлено только шлемами. Конструкция шлема из погр. 6 [(см. рис. 1, 22) может быть отнесена к сегментной (по Матвееву, *тип I*) или к сегментно-пластинчатой (по Зубову и Радюш) группе (рис. 1, 17) [12. С. 361, Рис. 2; 13. С. 102]. Находка имеет полусферической форму, купол собран из прямоугольных и трапециевидных железных пластин различного размера. К нижнему краю шлема при помощи шарниров крепилось лицевое покрытие, представленное двумя нащечниками. Для дополнительной защиты лица изделие было снабжено наносником. Предполагаемый диаметр шлема составлял примерно 19,5 см, высота около 13,5 см [3. Т. 2. Табл. 4, 17].

В Прикамье при раскопках синхронных памятников сегментные шлемы обнаружены в составе инвентаря погр. 88 Худяковского, погр. 20, 30 Суворовского, погр. 117, 235 Рождественского V могильников [14. Табл. 98, 142, I; 15. С. 70, Рис. 37, I; 16. С. 15]. По форме находка из погр. 6 близка к шлемам, обнаруженным вблизи городов Будапешт, Дерне, Концешти [17. Рис. 3, 4, 7, 8]. Европейские находки от прикамской отличаются наличием гребня, элемента защиты шеи, богатством декорирования.

О происхождении сегментных шлемов высказываются различные точки зрения. С.Э. Зубов и О.А. Радюш считают подобные находки итогом развития римских традиций защитного вооружения [13. С. 102]. По мнению Р.В. Матвеева, сегментные шлемы развивались на основе каркасных шлемов, бытовавших в Парфии и Кушане, и впоследствии были заимствованы сарматами, под влиянием которых они поступили на вооружение частей римской армии [12. С. 360].

В погр. 782 найден шлем (рис. 1, 12), основу которого образовал железный обод диаметром 20 см. Купол шлема высотой 13,5 см составлен из узких полос. Нижняя часть полос крепилась к ободу, а верхняя к округлой пластине. Обод украшала узкая бронзовая полоска с насечками по краям. Шлем имел наносник и нащечники [3. Т. 2. Табл. 342]. Согласно типологии, предложенной Р.В. Матвеевым, находка из погр. 782 относится к типу ажурных шлемов (*тип III*) [12. Рис. 2].

Помимо захоронений Тарасовского могильника шлемы ажурной конструкции были найдены при раскопках погр. 10, 80 Нивского и погр. 27 Суворовского могильников [15. Рис. 37, 2; 18. С. 111–112]. За пределами Прикамья находку из погр. 782 возможно сравнить со шлемами, происходящими из погр. 1, 6, 8, 10 могильника у хутора Городской [19. Рис. 19]. Аналогии условны, так как склепанные из треугольных пластин шлемы имеют коническую, а не куполообразную форму.

И.А. Бажан и О.А. Гей связали происхождение ажурных шлемов с сармато-парфянской традицией развития вооружения [20. С. 120–121].

Помимо шлемов социальный статус или род занятий мужчин, захороненных в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, подчеркивали мечи.

В погр. 6 был помещен прямой обоюдоострый меч (рис. 1, 28) с длиной клинка около 73,5 см и шириной основания в 5 см. Хвостовик имеет повреждения, что не позволяет установить его изначальную длину. Конструкция и параметры меча из погр. 6 могут отражать синтез готской (западной) и сарматской (восточной) оружейных традиций, происходивший во второй половине III в. на территории Крыма. Одной из отличительных особенностей подобного оружия является ширина основания клинка, составляющая около 5 см и более [19. С. 58].

В погр. 782 обнаружено оружие (рис. 1, 30) с длиной клинка 102 см и шириной 3,2 см. Рукоять меча имела хвостовик длиной 16 см и навершие, изготовленное из халцедонового диска диаметром около 5,2 см [3. Т. 2. Табл. 4, 18, 341, 38]. Меч из погр. 782 отражает традицию длинных всаднических мечей, распространенных в сарматской среде в II–III вв. и получивших основное распространение у населения Средней и Центральной Азии и Дальнего Востока [21. С. 87].

На наш взгляд, происхождение комплекса статусного вооружения, попавшего в погр. 782, могло быть связано с продукцией ремесленных центров Средней или Центральной Азии. Оружие, происходящее из погр. 6, могло быть получено на территории одного из регионов Северного Причерноморья, как, впрочем, и на территории других регионов. В древности оружие и доспехи обладали высокой межкультурной мобильностью как в виде готовых изделий, так и в контексте заимствования формы изделий.

И.Ю. Пастушенко, В.А. Бернц и Р.Д. Голдина связывают появление статусного вооружения в Прикамье с проникновением в регион мигрантов [6. С. 43; 22. С. 17].

Во второй половине III в. на территории Тарасовского могильника были оставлены погр. 4 и 790, в которых умерших сопровождали мечи [3. Т. 2. Табл. 2, 28, 347, 13]. Если сравнить погребальный обряд захоронений 4, 6, 782, 790 с обрядностью остальных комплексов данного памятника, возможно сделать следующее предположение. Погребальный обряд захоронений, содержащих предметы статусного вооружения, не имеет существенных отличий от обряда большинства погребений Тарасовского могильника (рис. 2). Следовательно, отсутствуют основания предполагать, что погр. 4, 6, 782, 790 могли принадлежать мигрантам. Или же погребальные традиции мигрантов не имели существенных отличий от обрядности носителей мазунинской культуры.

Появление в Прикамье предметов статусного вооружения могло быть связано не только с проникновением в регион групп инокультурного населения, но и с торговыми контактами местного населения.

Ремесленные центры, имевшие возможность наладить производство интересующего вооружения, могли находиться на территории Азии, Северного Причерноморья, римской периферии.

О наличии у населения, оставившего Тарасовский могильник, продукции высококвалифицированных ремесленников, свидетельствует меч из погр. 782 (рис. 1, 30). Оружие отковано из заэвтектонидной (тигельной, литой) стали, технологиями получения кото-

рой обладало ограниченное количество ремесленников Ближнего Востока, Юго-Восточной и Средней Азии [23. С. 19; 24. С. 110]. Навершие меча изготовлено из полудрагоценного минерала (халцедон), для обработки которого необходимо станковое оборудование (рис. 1, 4).

Населению Прикамья было сложно предложить что-то представителям торговых и ремесленных центров Причерноморья и Центральной Азии в обмен на предметы статусного вооружения. Представители культур лесных зон не могли предоставить зерно в объёмах, необходимых населению указанных регионов. Для поставок зерна в товарных объёмах мазунинское население должно было быть знакомо с пашенным земледелием, что не подтверждается археологическими находками. На территории Удмуртского Прикамья самые ранние датированные находки наконечников пахотных орудий относятся к IX–XI вв. [25. С. 103]. Население Прикамья не могло конкурировать с кочевниками в поставках продуктов животноводства или рабов. В регионах Причерноморья и в Римской империи отсутствует значимая потребность в мехах, которые могло предложить население лесных регионов в обмен на ремесленную продукцию. Интерес населения регионов Востока к мехам начинает формироваться в V–VI вв. [26. С. 19–20].

Географическая близость Прикамья к степям Южного Приуралья и Нижнего Поволжья позволяет

предположить, что вооружение могло быть получено в ходе торговых контактов с сарматами. Анализ имеющихся находок позволяет определить не только круг предметов, поступавших от кочевников к населению Прикамья, но и от местного населения к сарматам.

В III в. в среде воинской верхушки населения Волго-Донского междуречья выработалась мода на престижные предметы ремённой гарнитуры, центры по производству которой могли находиться на территории Волго-Камья [27. С. 136].

Сарматские племена импортировали многие предметы вооружения, так как при кочевом образе жизни сложно наладить металлообрабатывающее производство. Вероятно, с этим, как и с целым рядом иных причин, связано отсутствие защитного вооружения в сарматских памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [1. С. 65; 2. С. 85–91]. Вызывает сомнение, что сарматы обменивали мечи и шлемы на элементы костюма или даже продукты земледелия. При этом нельзя исключать возможности совершения дипломатических даров, суть которых без данных письменных источников понять сложно.

По мнению В.Ю. Малашева, у сармат Южного Приуралья из предметов вооружения, помимо мечей, особый социальный статус умерших подчеркивало не защитное вооружение, а два топора и один наконечник копья, обнаруженные в курганах 1 и 2 могильника Лебедевка [2. С. 90–91].

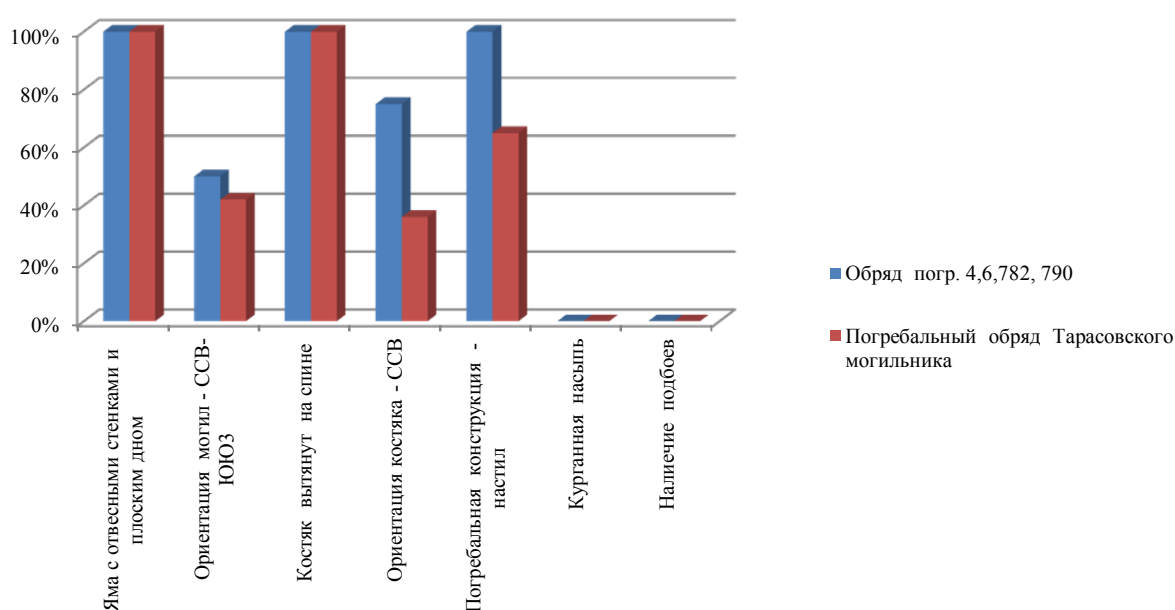

Рис. 2. Особенности погребальной обрядности Тарасовского могильника

Редкость предметов вооружения в степных погребальных комплексах позднесарматского времени могла быть связана с их регламентацией в погребальном обряде [2. С. 91]. Подобная регламентация могла присутствовать и в обрядность населения Прикамья.

Каким социальным статусом должны были обладать мужчины, захороненные в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, для нарушения регламентации погребального обряда, выразившегося в помещении в

могилы шлемов? Допустимо предположить, что мужчины, захороненные вместе со шлемами и мечами, являлись вождями.

Критериями выделения погребальных комплексов лиц, обладавших властными функциями, для населения Прикамья может служить повышенная трудозатратность подготовки захоронений, наличие импортов, большое количество погребального инвентаря. Для наглядности особенности погребального обряда

погр. 6 и 782 будут сравниваться с погр. 1685 и 1784, также содержащих в своем составе предметы защитного вооружения.

Среднее количество категорий находок для погребальных комплексов Тарасовского могильника составляет от 1 до 3 [5. С. 37]. В погр. 6 присутствовало 12 категорий находок, представленных 19 предметами. Умершего из погр. 782 сопровождало 14 категорий предметов (80 находок). Для сравнения: в захоронениях с длинноклиновым оружием, оставленных в период I – первой половины III в., количество категорий находок варьируется от 4 (4 предмета) (погр. 1291) до 9 (19 предметов) (погр. 1125) [3. Т. 1. С. 10–11, 138, 186–187, 255, 272]. Интересующий показатель в захоронениях второй половины IV – начала V в. для погр. 1685 составил 12 категорий находок (52 предмета). Инвентарь погр. 1784 представлен 16 категориями находок (31 предмет) [3. Т. 2. С. 255, 272].

Следующим критерием выделения погребальных комплексов элит является наличие предметов импорта. Среди предметов, попавших в погр. 6, к импортам возможно отнести хрустальную бусину, меч, шлем. В погр. 782 импортами могут являться меч с халцедоновым навершием, халцедоновая бусина, шлем, железная крица [3. Т. 1. С. 11, 138].

Из инвентаря погр. 1685 к объектам импорта возможно отнести шлем, золотые нити, зафиксированные в области шеи и являвшиеся частью одежды, стеклянная бусина, меч с халцедоновым навершием, панцирь [3. Т. 1. С. 255]. В погр. 1784 импортными предметами могли являться шлем, меч с навершием из зеленого стекла, наконечник ремня со стеклянными вставками, кольчуга [3. Т. 1. С. 272].

Если обратиться к критерию трудозатратности, получаем следующую картину. Средний объем извлеченного грунта при рытье мужских могил Тарасовского могильника варьируется от 0,6 до 1 м³ [4. С. 14]. Трудозатратность подготовки погр. 6 (1,25 м³), 782 (2,06 м³) превосходила в 2–3,5 раз трудозатратность большинства мужских захоронений [3. Т. 2. Табл. 4, 339]. Захоронения с мечами и палашами периода I–II вв. совершались в могильных ямах объемом от 0,44 м³ (погр. 1291) до 2,12 м³ (погр. 1125). Для подготовки воинских погребений (131А и 446) периода первой половины III в. объем извлеченного грунта составлял около 2 м³ [3. Т. 2. Табл. 47, 193, 453, 499].

Захоронения второй половины IV – начала V вв., содержащие в своем составе предметы статусного вооружения, демонстрируют существенное увеличение трудозатратности. Объем могильных ям варьируется от 1,81 (погр. 129) до 17,6 м³ (погр. 1685) [3. Т. 2. Табл. 45, 617]. Погр. 1784 было частично разрушено нефтяниками при рытье траншеи. На момент проведения раскопок объем могильной ямы зафиксирован на уровне 10,43 м³ [3. Т. 2. Табл. 665]. Погр. 1685 превосходило средний объем мужских захоронений Тарасовского могильника в 17,5–29 раз, погр. 1784 минимум в 10–17 раз.

Трудозатратность подготовки погр. 6 и 782 в меньшей мере свидетельствует о принадлежности умерших к вождям в сравнении с погр. 1685 и 1784. Несоответ-

ствия возможно объяснить различием представлений, существовавших в различные исторические периоды. При этом стоит обратить внимание на погр. 790, для подготовки которого было извлечено около 4,91 м³ земли [3. Т. 2. Табл. 347]. Объем могильной ямы данного захоронения превосходит средний объем могильных ям Тарасовского могильника в 5–8 раз, а погр. 6 и 782 в 2–4 раза. Еще одним обстоятельством, выступающим против принадлежности мужчин из погр. 6 и 782 к вождям, является возраст умерших, определяемый в пределах 17–20 лет [3. Т. 1. С. 11, 138].

В погр. 6 и 782 были захоронены лица, относящиеся к родовой аристократии, но, вероятно, не являющиеся вождями. Но при этом, несмотря на относительно молодой возраст, им принадлежат одни из самых богатых мужских погребений Тарасовского могильника.

Состав погребального инвентаря погр. 6 и 782 и статус умерших мог быть связан с еще одним механизмом перемещения материальных ценностей и социальной мобильности, связанным с военными действиями. Во второй половине III в. часть населения Прикамья могла участвовать в дальних военных походах или нести воинскую службу за пределами региона.

По времени предполагаемые походы могли совпасть со Скифской войной или являться ее частью. Скифская война (Готская война) – военный конфликт, развернувшийся на территории Малой Азии, Фракии, Северного Причерноморья, Прикарпатья, Пиренейского и Апеннинского полуостровов в промежуток между 238–271 гг. и выразившийся в набегах варварских племен с целью захвата трофеев [28. С. 3–7]. События Скифской войны способствовали развитию межплеменных связей и союзов, необходимых для успешного совершения набегов.

С учетом географического положения Прикамья и наличия культурных контактов с кочевниками, допустимо предположение об участии мазунинского населения в деятельности сарматских дружин, местом формирования которых могло являться Южное Предуралье.

В участии в военных действиях кроме материального интереса могли присутствовать и социальные мотивы. Корнелий Тацит, описывая древнегерманские племена, оставил следующее упоминание. «Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться» [29. С. 347]. Древнегерманские племена находились на сопоставимом уровне развития с населением Прикамья; не исключено, что и представители местных культур могли участвовать в военных действиях для приобретения необходимого социального статуса.

Идея совершения населением Прикамья дальних военных походов за пределы региона не нова. Если обратиться к публикациям последнего десятилетия, возможно привести следующие примеры. В.В. Ставицкий предположил, что античные фибулы Ново-

Сасыкульского могильника являются трофеями, принесенными вместе с одеждой, а не объектами торговли (I–II вв. н.э.) [30. С. 127]. А.А. Красноперов считает, что воинские погребения Тураевского, Тарасовского, Кудашевского, Мокинского могильников были оставлены не мигрантами, а ветеранами военного отряда, вернувшегося в Прикамье после службы в других регионах [31. С. 222].

Защитное вооружение и иные предметы, ставшие частью погребального инвентаря погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, могли являться трофеями, полученными во время участия в военных действиях второй половины III в.

Свидетельством участия в военных действиях может являться возраст мужчин, погребенных в захоронениях интересующей группы. Как уже упоминалось выше, мужчина из погр. 6 умер в возрасте 17–20 лет. В погр. 782 находились останки мужчины, возраст которого определяется в пределах 18–20 лет [3. Т. 1. С. 11, 138]. Причины смерти молодых людей могли быть связаны с участием в военных действиях. К сожалению, невозможно установить, погибли они на территории Прикамья или за его пределами.

В свете предположения о получении трофеев следует обратить внимание на некоторые предметы из захоронений второй половины III в. Тарасовского могильника. Как уже было сказано, в погр. 6 и 782 были обнаружены шлемы, использовавшиеся для оснащения военных формирований Римской империи, Кушана, Парфии [12. С. 360; 13. С. 102; 20. С. 120–121]. В условиях длительного военного конфликта торговля подобными предметами с «варварским миром» маловероятна. А вот захват трофеев вполне соответствует логике ряда событий второй половины III в. Если рассматривать вариант несения воинской службы или наемничества, возможен вариант снабжения союзных войск предметами вооружения. В этой связи обратимся к аналогиям сарматского мира. Основная масса сарматских захоронений с боевыми наголовьями оставлена в II–I вв. до н.э. М.Б. Шукин предположил, что шлемы типа «монтефортино» попали к кочевникам после перевооружения Митридатом IV своих войск. «Морально устаревшее вооружение» могло быть передано союзниками, которыми выступали кочевники [19. С. 146–147; 32. С. 143].

С предположением о приобретении вооружения по торговым каналам плохо стыкуется находка меча из погр. 782 Тарасовского могильника (рис. 3, 17). Оружие отковано из заэвтектоидной стали, производимой в специализированных ремесленных центрах Юго-Восточной и Средней Азии [23. С. 19; 24. С. 110].

Аналогией данному мечу является оружие, обнаруженное при раскопках кургана 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса. В сарматском захоронении находился меч, длина клинка которого 100 см при ширине основания 3,5 см. У тарасовского меча данные показатели составили 102 и 3,2 см [3. Т. 2. Табл. 341–38; 33. С. 254]. Рукояти мечей были снабжены халцедоновыми дисками, выполняющими функцию навершия (рис. 3, 2) [3. Т. 2. Табл. 341, 38; 33. Рис. 1, 2]. Оба клинка откованы из заэвтектоидной

стали, что совместно с параметрами и особенностями оформления оружия допускает предположение об их изготовлении в мастерских, расположенных в одном регионе [34. С. 88–92; 23. С. 19].

В погр. 782 было помещено оружие, качество и оформление которого были недоступны для большинства представителей элит кочевых сообществ. Среди захоронений Тарасовского могильника второй половины III в. присутствует еще один меч с халцедоновым навершием, происходящий из погр. 4 [3. Т. 2. Табл. 2, 25].

А.М. Хазанов отмечал редкость у сармат мечей с навершиями, изготовленными из полудрагоценных камней и иных материалов [35. С. 16]. В захоронениях Нижнего Подонья обнаружено шесть наверший мечей, в Волго-Донском междуречье три экземпляра, в Нижнем Заволжье пять подобных находок, в Прикубанье 2 навершия. Наибольшее количество интересующих предметов происходит из погребений, оставленных на территории Южного Приуралья и Зауралья (20 экз.) [36. С. 141]. Навершия из полудрагоценных камней являются элементами оформления престижной воинской экипировки, редкими для представителей элит сарматских обществ. По мнению М.Ю. Трейстера, во второй половине II – первой половине III вв. сарматы Южного Предуралья могли получать мечи с халцедоновыми навершиями как трофеи или дипломатические дары в ходе войн сасанидских царей Арташира I и Шапура I по подчинению восточных районов Ирана [37. С. 156].

Если элита сарматских обществ получала богато декорированное оружие в качестве трофеев, сомнительно, чтобы население Прикамья приобретало аналогичные мечи по торговым каналам.

Помимо вооружения ещё одной категорией предметов, хорошо вписывающихся в категорию трофеев, торговля которыми с населением Прикамья, однако, могла быть малорентабельной, являются металлургические полуфабрикаты.

В разграбленном погр. 1679, датируемом второй половиной III в., обнаружены две железные крицы; еще одна крица присутствовала в погр. 782 (см. рис. 1, 13) [38. С. 72–73]. Находки имеют стандартную форму, представляющую собой «вогнутую лепешку» диаметром от 15 до 18 см. Вес крицы из погр. 782 составлял 5,2 кг, из погр. 1679 – 5 и 5,1 кг [38. С. 72].

В металле крицы из погр. 1679 выявлено наличие никеля (0,14%), не относящегося к числу примесей, характерных для руд, добываемых на территории Прикамья [38. С. 73]. С.Е. Перовицкий и Т.М. Сабирова высказали предположение о том, что крица была выплавлена в регионах, расположенных к западу от Прикамья [38. С. 73].

Следует обратить внимание на слиток латуни, сохранившийся в погр. 1679. По мнению С.Е. Перовицкого, существовавшие в древности способы производства латуни технологически были слишком сложны для прикамских мастеров. Ближайшим регионом, из которого могла поступать латунь, является Причерноморье. В Боспорском царстве при царе Рескупориде I часть монет чеканилась из аурихалка (разно-

видность «золотоподобной» латуни), поступавшего с территории Римской империи [39. С. 273–274]. С продукцией античных ремесленных центров слиток из погр. 1679 сближает вес, равный трем римским фунтам (980 г). Металл определен как золотоподобная латунь (аурихалк) [38. С. 75]. Слиток латуни следует отнести к объектам импорта или же импортами являлись предметы, пошедшие на его выплавку.

Металлургические полуфабрикаты, попавшие в могилы Тарасовского могильника во второй половине III в., вполне могли являться трофеями или платой за военную службу. В связи с последним предположением стоит обратить внимание на мнение А.Г. Мухамадиева, согласно которому металлургические полуфабрикаты являлись аналогами денежных единиц [40. С. 66].

В Прикамье известны не только аналоги денег, но и монеты, отчеканенные в III в. н.э. и, возможно, являющиеся трофеями военных набегов эпохи Скифской войны. На территории Ижевского могильника была обнаружена монета чеканки Александра Севера (222–235 гг.). В погр. 142 Рождественского V могильника в составе шейной подвески обнаружены монеты императоров Александра Севера и Максимилиана I (235–238 гг.), использовавшиеся в качестве подвесок [41. С. 139, 141].

Если дальние военные походы совершались, то в них могло принимать участие не только население, оставившее после себя захоронения Тарасовского могильника. Рассматривая материалы памятников Удмуртского Прикамья, можно найти следующие отсылки к возможным трофеям, полученным во второй половине III в.

В погр. 10 и 80 Нивского могильника присутствовали шлемы ажурной конструкции [18. С. 111–112]. В погр. 80 находился шлем высотой 16 см и диаметром 21 см, собранный из 32 Y-пластин различной длины, крепящихся при помощи медных заклепок на каркас, собранный из двух дуг. В верхней части изделия раздвоенные концы полос образовывали многолучевую розетку. Наличие в нижней части обода железной петли и присутствие в могиле железных и медных изогнутых пластинок позволяют допустить предположение о наличии у шлема подобия бармицы [42. Рис. 18, 1, 2]. Шлем, обнаруженный в погр. 10, имел существенные повреждения, однако не исключено, что он обладал аналогичной конструкцией.

А.В. Симоненко при анализе шлемов сарматского времени отнес находку из погр. 80 Нивского могильника к группе каркасных боевых наголовий [19. С. 271]. Каркасные шлемы преимущественно происходят из захоронений, оставленных на территории Северного Кавказа (курган 13 мог. Кишпек, погр. 1, 6, 8, 10 мог. у хут. Городского) [19. Рис. 18, 1, 19]. Наиболее точной аналогией является ажурный (каркасный) шлем, обнаруженный в кургане 6 у ст. Тбилисской, также изготовленный из Y-образных полос, но не из железных, а из бронзовых [43. Рис. 1, 41].

На территории Нивского могильника было исследовано 156 захоронений, в 92 из которых (54%) умерших сопровождала одна категория находок (украшение или нож) [44. С. 127]. По подсчетам

Т.И. Останиной, община, оставившая Нивский могильник, состояла из 15–25 одновременно живущих взрослых. Если принять во внимание, что в погр. 10, 16, 17 были обнаружены мечи, получаем весьма приличный объем статусного вооружения для небольшой общины [18. С. 110]. Представителям малочисленной общины было проще получить предметы статусного вооружения в качестве трофеев, нежели в ходе торговых контактов.

В конце III – первой половине IV вв. предметы статусного вооружения появляются не только в захоронениях Тарасовского и Нивского могильников, но и в погребениях Усть-Сарапульского могильника. В погр. 89, 104, 105 данного памятника из статусного вооружения были обнаружены мечи [45. Рис. 6, 19]. Вызывает интерес находка из погр. 89. Клинок меча шириной 3,8 см сохранился на длину около 58 см. Хвостовик оружия также имеет повреждения, его длина на момент обнаружения составила 11 см. Навершием рукояти меча служил халцедоновый диск, особенностью которого является спиралевидный орнамент, вырезанный на внешней поверхности диска [45. Рис. 5, 26].

Большинство халцедоновых наверший не имели орнамента, что связано со сложностью обработки минерала из-за его высокой твердости. За пределами Прикамья аналогией диску из погр. 89 может являться халцедоновый диск с вихреобразной розеткой, служивший навершием мечу из погр. 1 кургана 10 могильника Высочино-I [36. Рис. 1, 6, 7]. По мнению М.Ю. Трейстера, полусферические или сегментовидные навершия мечей, украшенные вихреобразными розетками, происходящие из захоронений Нижнего Дона, могли являться продукцией ремесленников Боспора [36. С. 571].

Рассматриваемая находка является не единственным примером использования «резного халцедона» для оформления оружия. В погр. 98 Мокинского могильника, оставленного на территории Верхнего Прикамья, обнаружены фрагменты меча, навершием которому служила халцедоновая фалера, изображающая лицо «амурчика» [46. Рис. 86]. По мнению О.Я. Неверова, фалера изначально являлась медалью римского legionera или знаком отличия центуриона [46. С. 103–105].

Мечи с редким и дорогим оформлением рукоятей с большей вероятностью могли стать трофеями представителей населения Прикамья нежели объектам их торговых сделок.

Среди материалов Усть-Сарапульского могильника возможно найти как минимум еще одну отсылку к материальной культуре населения, проживавшего в регионах, расположенных к юго-западу от Прикамья. В погр. 88 обнаружены ножны ножа, представленные L-образной пластиной, образующей боковое ребро и основание изделия. Лицевая сторона закрыта бронзовой накладкой с начеканенным точечным орнаментом. Пластина прижималась к L-образной основе четырьмя зажимами-обоймами [47. С. 117].

К аналогиям возможно отнести ножны ножей, обнаруженных в погр. 50, 195, 200, могильника Нейзац

и погр. 24 комплекса Дружное, оставленных на территории Крыма [47. С. 116–117]. Ножны и ножи – не та категория предметов, которыми был смысл вести межрегиональную торговлю, но их вполне можно было взять в качестве трофея в военном походе.

Появление защитного вооружения в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника могло быть связано с участием групп мазунинского населения в военных действиях за пределами Прикамья в период второй половины III в. Войны могли вестись в составе формирования, возникших в других регионах, в том числе в среде сармат Южного Предуралья. Без данных письменных источников невозможно установить, являлись данные набеги частью событий Скифской войны или не были связаны с ней. Участие в дальних военных походах могло способствовать приобретению мужчинами, умершими в возрасте 17–20 лет, социального статуса, достаточного для помещения в их могилы шлемов, что ранее не практиковалось ни представителями мазунинской культуры, ни сарматскими племенами Нижнего Поволжья и Южного Предуралья.

Военные походы за пределы интересующего региона возможно рассматривать как один из механизмов поступления импортов не только к населению, оставшемуся захоронения Тарасовского могильника, но и к представителям иных общностей Прикамья.

При изучении погребальных комплексов второй половины III – первой половины IV вв. 13 из 17 захо-

ронений с защитным вооружением были выявлены при раскопках памятников Волго-Вятского междуречья (азелинская культура). Наличие в погребениях доспехов и иного статусного вооружения могло быть связано не только с появлением в данной части региона групп мигрантов, но и с совершением военных походов или наемничеством. В первой половине IV в. благоприятным условием для дальних походов могла стать серия военных конфликтов, связанных с попытками Германиха расширить сферу своего влияния, в том числе на регионы Поволжья.

Возможно, прав А. Красноперов, считающий, что не все погребения с защитным вооружением второй половины IV в. оставлены мигрантами [31. С. 222]. Группы населения Прикамья могли принять участие в гунно-сарматских войнах и иных конфликтах данного периода. В результате чего элитные воинские комплексы могли появиться на территории Тарасовского (погр. 1685?) и Кудашевского могильников.

Население Прикамья не являлось изолированным конгломератом, а имело широкий круг торговых, культурных и военных контактов с представителями многих регионов. Возникновение одной из самых крупных археологических коллекций предметов статусного вооружения северных регионов Евразии могло быть связано не только с появлением мигрантов или торговыми контактами, но и с военной активностью населения Прикамья.

Список источников

1. Киришовцев М.В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 65–70.
2. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 207 с.
3. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Из-во Удмуртского университета, 2004. Т. I. 320 с.; Т. 2. 721 с.
4. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М., Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань ; Ижевск : Институт археологии АН РТ, Удмуртский государственный университет, 2015. Т III. 297 с.
5. Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника (I–V вв.) на Средней Каме. // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2010. Вып. 41. С. 32–40.
6. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника (Часть I) // Поволжская археология. 2016. Вып. 3 (17). С. 17–47.
7. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника (Часть II) // Поволжская археология. 2017. Вып. 1 (19). С. 172–194.
8. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 65–108.
9. Казанцева О.А. Защитное вооружение воинов III–V вв. (по материалам Кудашевского I могильника). XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Самара, 2018. С. 217–219.
10. Сунгатов Ф.А., Гаустович Р.М., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого Переселения народов. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
11. Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С. 133–141.
12. Матвеев Р.В. Шлемы первой половины I тысячелетия из некрополей Волго-Камья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 2. С. 360–364.
13. Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа, 2014. С. 94–105.
14. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Сарапульская типография, 2014. Т. 27. 472 с.
15. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. 1963. Вып. 5. 160 с.
16. Старостин П.П. Рождественский V могильник. Казань : Институт истории АП РТ, 2009. 144 с.
17. Негин А.Е. Познеримские шлемы: проблема генезиса // Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал: Война, армия и военное дело в античном мире. 2007. Вып. 2. С. 335–359.
18. Останина Т.Н. Нивский могильник III–V вв. // Материалы по ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 92–117.
19. Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 2014. Вып. 4. С. 249–276.
20. Бажан И.А., Гей О.А. К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 115–122.
21. Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы : VII Донская археологическая конференция. Ростов н/Д., 1998. С. 87.
22. Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. 2008. Вып. 11. С. 12–23.
23. Перевозилов С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник ЧелГУ. История. 2014. Вып. 61. С. 18–24.

24. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М. : Знак, 2009. 244 с.
25. Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1958. 192 с.
26. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Рим и варвары: от Августа до Августа // *Stratum plus*. 2010. Вып. 4. С. 19–20.
27. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // *Сарматы и внешний мир. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 130–139.
28. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 148 с.
29. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии (перевод А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеев) // *Анналы. Малые произведения*. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. Т. 1. 444 с.
30. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // *Вестник ННИГН при Правительстве Республики Мордовия*. 2013. Вып. 3 (27). С. 126–141.
31. Красноперов А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатой инкрустации) // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 2012. С. 218–255.
32. Шукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. : Фарн, 1994. 323 с.
33. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. 2010. Вып. 13. С. 254–261.
34. Железничков Б.В., Порох В.Н. Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // *Хронология памятников Южного Урала*. Уфа, 1993. С. 88–92.
35. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука, 1971. 172 с.
36. Трейстер М.Ю. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре // *Древности Боспора*. 2019. Вып. 24. С. 554–572.
37. Трейстер М.Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.) // *МАИАСК*. 2018. Вып. 10. С. 118–158.
38. Перевошников С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.
39. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2008. 349 с.
40. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань : Тат. кн. изд-во, 1990. 192 с.
41. Кропоткин В.В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М. : Наука, 1984. С. 137–141.
42. Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // *Уфимский археологический вестник*. 2000. Вып. 2. С. 98–122.
43. Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар, 1984. С. 72–99.
44. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : УИИЯЛ, 1997. 326 с.
45. Арматинская О.В. Усть-Сарапульский могильник // *Приуралье в древности и средние века*. Устинов, 1986. С. 26–46.
46. Колобов А.В., Кулябина Н.В., Мельничук А.Ф. Античная гемма из Пермского Приуралья // *Археология и этнография Среднего Приуралья*. 2001. Вып. 1. С. 103–107.
47. Красноперов А.А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Симферополь, 2018. С. 116–118.

References

1. Kirivosheev, M.V. (2007) [Armament of the Late Sarmatian period of the Lower Volga region]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya* [Armament of the Sarmatians: Regional typology and chronology]. Proceedings of the 6th International Conference "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" [Problems of Sarmatian Archeology and History]. Chelyabinsk. 22–24 May 2007. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 65–70. (In Russian).
2. Malashev, V.Yu. (2013) *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e.* [Late Sarmatian culture of the Southern Urals in the 2nd–3rd centuries AD]. History Cand. Diss. Moscow.
3. Goldina, R.D. (2004) *Tarasovskiy mogil'nik I–V vv. na Sredney Kame* [Tarasov Burial Ground of the 1st – 5th Centuries on the Middle Kama]. Vols 1–2. Izhevsk: Udmurt State University.
4. Goldina, R.D., Sabirov, T.R. & Sabirova, T.M. (2015) *Pogrebal'nyy obryad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Sredney Kame* [The Funeral Rite of the Tarasov Burial Ground of the 1st–5th Centuries on the Middle Kama]. Vol. 3. Kazan; Izhevsk: Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences; Udmurt State University.
5. Sabirov, T.R. (2010) *Pogrebal'nyy obryad Tarasovskogo mogil'nika (I–V vv.) na Sredney Kame* [The funeral rite of the Tarasov burial ground (1st–5th centuries) on the Middle Kama]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 18(199). pp. 32–40.
6. Goldina, R.D. & Bernts, V.A. (2016) Chronology of the third–fifth centuries male graves from the Tarasovo burial ground. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3 (17). pp. 17–47. (In Russian).
7. Goldina, R.D. & Bernts, V.A. (2017) Chronology of 3rd–5th centuries male graves from the Tarasovo burial ground *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 1 (19). pp. 172–194. (In Russian). DOI: 10.24852/pa2017.1.19.172.204
8. Gening, V.F. (1976) *Turaevskiy mogil'nik V v. n.e. (Zakhoroneniya voenachal'nikov)* [Turaevsky burial ground of the 5th century A.D. (Burial of military leaders)]. In: Khalikov, A.Kh. (ed.) *Iz arkheologii Volgo-Kam'ya* [From the Archeology of the Volga–Kama Region]. Kazan: IYALi KFAN SSSR. pp. 65–108.
9. Kazantseva, O.A. (2018) [Protective armament of soldiers of the 3rd – 5th centuries (based on the materials of Kudashevsky I burial ground)]. *Proceedings of the 21st Ural Archaeological Meeting*. Samara. 8–11 October 2018. Samara: Porto-print. pp. 217–219. (In Russian).
10. Sungatov, F.A., Gaustovich, R.M. & Yusupov, R.M. (2004) *Priural'e v epokhu Velikogo Pereseleniya narodov* [The Urals in the Era of the Great Migration of Peoples]. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat.
11. Korenyuk, S.N. & Pereskokov, M.L. (2012) K voprosu ob etnokul'turnoy situatsii v Prikam'e v seredine I tys. n.e. [On the question of the ethnocultural situation in the Kama region in the middle of the 1st millennium AD]. In: Rudenko, K.A. (ed.) *Issledovaniya po srednevekovoy arkheologii Evrazii* [Studies in Medieval Archeology of Eurasia]. Kazan: RITs. pp. 133–141.
12. Matveev, R.V. (2014) [Helmets of the first half of the 1st millennium from the Volga-Kama necropolises]. *Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress*. Vol. 2. Kazan. October 2014. Kazan: Otechestvo. pp. 360–364. (In Russian).

13. Zubov, S.E. & Radyush, O.A. (2014) [Helmets of the Middle Volga region in the Middle Sarmatian time]. *Sarmaty i vneshniy mir* [Sarmatians and the Outside World]. Proceedings of the 8th All-Russian Conference "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" [Problems of Sarmatian Archeology and History]. Ufa. 12–15 May 2014. Ufa: Tsentr "Nasledie". pp. 94–105. (In Russian).
14. Leshchinskaya, N.A. (2014) *Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.). Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Vyatka Krai in the Pyanobor Epoch (Based on the materials of funerary monuments of the 1st – 5th centuries AD). Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 27. Izhevsk: Sarapul'skaya tipografiya.
15. Gening, V.F. (1963) Azelinskaya kul'tura III–V vv. [Azelinskaya culture of the 3rd – 5th centuries]. *Voprosy arkheologii Urala*. 5.
16. Starostin, P.P. (2009) *Rozhdestvenskiy V mogil'nik* [Rozhdestvensky V Burial Ground]. Kazan: Institut istorii AP RT.
17. Negin, A.E. (2007) Pozdnerimskie shlemy: problema genezisa [Late-Roman helmets: the problem of genesis]. *Antiquitas Aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal: Voyna, armiya i voennoe delo v antichnom mire*. 2. pp. 335–359.
18. Ostanina, T.N. (1978) Nivskiy mogil'nik III–V vv. [Nivsky burial ground of the 3rd – 5th centuries]. In: Ivanova, M.G., Semenov, V. A. & Nagovitsyn, L. A. (eds) *Materialy po ranney istorii naseleniya Udmurtii* [Materials on the Early History of the Population of Udmurtia]. Izhevsk: Nauchno-issledovatel'skiy institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoy ASSR. pp. 92–117.
19. Simonenko, A.V. (2014) Sarmatian age helmets from Eastern Europe. *Stratum plus – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 4. pp. 249–284. (In Russian).
20. Bazhan, I.A. & Gey, O.A. (1992) K voprosu o datirovke "prikamskikh" azhurnykh shlemov [On the question of dating of "Kama" openwork helmets]. In: Shchukin, M.B. (ed.) *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni* [Problems of Chronology of the La Tène and Roman Times]. Saint Petersburg: Nauchno-arkheologicheskoe ob"edinenie "Oyum" VMTs. pp. 115–122. (In Russian).
21. Bezuglov, S.I. (1998) [The Late-Sarmatian sword from the Kamyshevskaya station]. *Problemy arkheologii Yugo-Vostochnoy Evropy* [Problems of Archeology of South-Eastern Europe]. Proceedings of the 7th Don Archeological Conference. Rostov-on-Don. 22–26 November 1998. Rostov-on-Don: [s.n.]. p. 87. (In Russian).
22. Pastushenko, I.Yu. & Bernts, V.A. (2008) Khaltseonovye diski v kul'ture naseleniya Prikam'ya [Chalcedony disks in the culture of the population of the Kama region]. *Finno-Ugrica*. 11. pp. 12–23.
23. Perevoshchikov, S.E. & Malykh, O.O. (2014) On the origin of Tarasovsky burial ground swords (applied to metallography facts). *Vestnik ChelGU. Istoriya – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 61. pp. 18–24. (In Russian).
24. Zav'yalov, V.I., Rozanova, L.S. & Terekhova, N.N. (2009) *Istoriya kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ya i Predural'ya: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeystviy* [The History of Blacksmithing of the Finno-Ugric Peoples of the Volga Region and the Urals: On the problem of ethno-cultural interactions]. Moscow: Znack.
25. Gening, V.F. (1958) *Arkheologicheskie pamyatniki Udmurtii* [Archaeological Sites of Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo.
26. Kazanskiy, M.M. (2010) Scandinavian fur trade and the Eastern Route during Great Migration. *Stratum plus – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 4. pp. 19–20. (In Russian).
27. Malashev, V.Yu. (2014) Some aspects of contacts of bearers of late Sarmatian culture of the South Urals steppes with the population of the wood and forest-steppe belt of the Volga region and the Ural foothills. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 14. pp. 130–139. (In Russian).
28. Remennikov, A.M. (1957) *Bor'ba plemen Severnogo Prichernomor'ya s Rimom v III veke* [The Struggle of the Tribes of the Northern Black Sea Region with Rome in the 3rd Century]. Moscow: USSR AS.
29. Tacitus, C. (1993) O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii [On the origin of the Germans and the location of Germany]. Translated from Latin by A.S. Bobovich & M.E. Sergeenkov. In: Bodanskaya, N.E. & Chistyakov, G.P. (eds) *Annaly. Malye proizvedeniya* [Annals. Small-scale works]. Translated from Latin. Vol. 1. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Ladimir".
30. Stavitskiy, V.V. (2013) West component in the materials of Andreevsky barrow. *Vestnik NNIGN pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya – Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 3 (27). pp. 126–141. (In Russian).
31. Krasnoperov, A.A. (2012) Polikhromnye predmety s peregorodchatoy inkrustatsiey v Prikam'e ("dogunnskiy" stil' peregorodchatoy inkrustatsii) [Polychrome objects with cloisonné inlay in the Kama region ("Dogunsky" style of cloisonné inlay)]. In: Vorontsov, A.M. & Gavritukhin, I.O. (eds) *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskoy vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples]. Tula: The state museum-reserve "Kulikovo Field". pp. 218–255.
32. Shchukin, M.B. (1994) *Na rubezhe er: Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [At the Turn of the Era: The experience of historical and archaeological reconstruction of political events of the 3rd century BC – 1st century AD in Eastern and Central Europe]. Saint Petersburg: Farn.
33. Moshkova, M.G. & Demidenko, S.V. (2010) Voinskoe pogrebenie v kurgane 37 gruppy VI Lebedevskogo mogil'nogo kompleksa [Military burial in kurgan 37 of group VI of the Lebedevsky burial complex]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy*. 13. pp. 254–261.
34. Zheleznychkov, B.V. & Porokh, V.N. (1993) Pozdnesarmatskie mechi Lebedevki (opyt metallograficheskogo analiza) [Late Sarmatian swords of Lebedevka (experience of metallographic analysis)]. In: Ageev, B.B. (ed.) *Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala* [Chronology of Monuments of the Southern Urals]. Ufa: Ufa Scientific Center RAS. pp. 88–92.
35. Khazanov, A.M. (1971) *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow: Nauka.
36. Treyster, M.Yu. (2019) Long swords with Chalcedony pommels in Sarmatia and in the Bosporean kingdom. *Drevnosti Bospora*. 24. pp. 554–572. (In Russian).
37. Treyster, M.Yu. (2018) Parthian and early Sasanian "imports" in the burials of the nomads of Eastern Europe (2nd century BCE – 3rd century CE). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 10. pp. 118–158. (In Russian). DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004
38. Perevoshchikov, S.E. & Sabirova, T.M. (2014) Metallurgical products in the Kama region (based on the materials of the Tarasovskiy burial ground, 1st–5th centuries AD). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 1 (24). pp. 71–82.
39. Vinogradov, Yu.A. & Goroncharovskiy, V.A. (2008) *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.)* [Military History and Military Affairs of the Cimmerian Bosphorus (6th century BC – middle of the 3rd century AD)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
40. Mukhamadiev, A.G. (1990) *Drevnie monety Povolzh'ya* [Ancient Coins of the Volga Region]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
41. Kropotkin, V.V. (1984) O nekotorykh nakhodkakh rimskikh monet v Srednem Povolzh'e i Prikam'e [About some finds of Roman coins in the Middle Volga region and the Kama region]. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G. & Petrenko, V.G. (eds) *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow: Nauka. pp. 137–141.
42. Goldina, R.D. & Volkov, S.R. (2000) Shlemy Tarasovskogo mogil'nika [Helmets of the Tarasovsky burial ground]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 2. pp. 98–122.
43. Zhdanovskiy, A.M. (1984) Podkurgannye katakomby Srednego Prikuban'ya pervykh vekov nashey ery [Podkurgannye catacombs of the Middle Prikuban of the first centuries AD]. In: Kirey, N.I. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 72–99.

44. Ostanina, T.I. (1997) *Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv.* [The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries]. Izhevsk: UIIYaL.
45. Armatynskaya, O.V. (1986) Ust'-Sarapul'skiy mogil'nik [Ust-Sarapulsky burial ground]. In: Tronin, A.A. (ed.) *Priural'e v drevnosti i srednie veka* [The Urals in Antiquity and the Middle Ages]. Ustinov: Udmurt State University. pp. 26–46.
46. Kolobov, A.V., Kulyabina, N.V. & Mel'nichuk, A.F. (2001) Antichnaya gemma iz Permskogo Priural'ya [Antique gem from the Perm Urals]. *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ya*. 1. pp. 103–107.
47. Krasnoperov, A.A. (2018) A scabbard from Ust'-Sarapulka cemetery in connection to the finds from Druzhnoe and Neizats cemeteries in the Crimea. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.е. – IV в. н.е.)*. 4. pp. 116–118. (In Russian).

Информация об авторе:

Малых О.О. – научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). E-mail: ovel34@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.O. Malykh, researcher, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: ovel34@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.09.2020;
одобрена после рецензирования 14.10.2020; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 22.09.2020;
approved after reviewing 14.10.2020; accepted for publication 29.04.2022.*